

А.А.Вигасин

Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии

Расцвет ориенталистики в России начала XX в. был частью общего культурного подъема страны. В русском обществе пробуждался живой интерес к цивилизациям Востока. Индией и Китаем, мусульманским миром занимались Ф.И.Щербатской, В.М.Алексеев, В.В.Бартольд — ученые, труды которых составили бы честь любой национальной историографии. В правительственных сферах зрело понимание потребностей науки, и финансовую поддержку получали грандиозные исследовательские проекты, экспедиции, меры, направленные на организацию международного сотрудничества. Особые надежды вселяло то обстоятельство, что расширялся круг специалистов-востоковедов — в предреволюционные годы появилась целая плеяда молодых талантливых ученых. К этому поколению и принадлежали индологи Л.А. и А.М. (Г.Х.) Мерварт¹.

Людмила Александровна родилась 25 августа (6 сентября) 1888 г. Ее отец, Александр Михайлович Левин, доцент Военно-Медицинской академии, старший врач Обуховской больницы, в 1897 г. во время страшной эпидемии бубонной чумы был командирован в Индию. Рассказы отца об удивительной стране стали яркими впечатлениями детских лет Людмилы Левиной.

В 1910 г. она окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. Высшее образование для женщин было предметом острой борьбы в дореволюционной России. Бестужевские курсы давали прекрасную подготовку, но для поступления на государственную службу требовался университетский диплом. С огромными сложностями трем выпускницам курсов, и в том числе Л.А.Левиной, в 1911 г. удалось добиться разрешения министра сдать государственные экзамены в университете. Все понимали,

что это создавало прецедент. На экзаменах решался принципиальный вопрос о праве женщин на высшее образование. Поэтому и ответственность девушки чувствовали необычайную. Экзаменационную комиссию возглавлял филолог-классик В.В.Латышев, известный как яростный противник женского образования. История со сдачей этого экзамена запечатлелась в памяти Людмилы Александровны на всю жизнь. Она вспоминала: «Я пришла за три дня до начала сессии. По общему положению, мне надлежало сдать три экзамена в комиссии. Сессия продолжалась шесть недель. Я была готова и думала, что в течение такого длительного периода я их сдам без особого напряжения, но не учла права комиссии в отдельных, исключительных случаях изменять порядок, сроки и даже состав экзаменов.

Когда я пришла к проф. В.В.Латышеву, он стал меня убеждать отказаться от сдачи экзаменов, говоря, что нежный женский организм не в состоянии выдержать напряжения, которого требует экзаменационная сессия. Когда я с этим не согласилась, он сообщил мне, что нам — женщинам разрешается сдавать экзамены только в течение первых тринадцати дней сессии. Кроме того, мне назначено не три экзамена, а тринадцать, в том числе по таким трудоемким дисциплинам, как логика с теорией познания, психология, история греческой литературы, история римской литературы и т.п., — и все это в объеме полного университетского курса. Эти все предметы я уже сдавала на курсах и, хотя, конечно, требовалось их повторить, все-таки ответила, что согласна их сдавать. Тогда проф. В.В.Латышев сказал торжествующим голосом: "Да, но последний экзамен, назначенный Вам, — это санскритский язык, а его изучить в течение нескольких дней Вы никак не можете. Поэтому послушайте моего доброго совета и отложите ваши экзамены до будущей сессии, которая состоится осенью" <...>.

Экзамен по санскритскому языку, совершенно не входивший в программу романо-германского отделения, В.В.Латышев приберег под самый конец как неотразимый аргумент. Он не знал, что я все время посещала лекции по санскриту на индийском отделении восточного факультета университета. Тут я, разумеется, сказала Латышеву, почему экзамен по санскритскому языку меня совсем не пугает. Это объяснение застало профессора совершенно врасплох. Он ударил кулаком по столу и воскликнул: "Вот я же говорил, что надо назначить литовский язык". У нас литовский язык не преподавался, но среди моих друзей-студентов был специалист по сравнительному языкознанию — литовец Казимир Казимирович Бугас. Ему нужно было знание немецкого языка, которым я и занималась с ним в обмен на

уроки литовского языка. В ответ на восклицание Латышева я сказала: "Знаете, дайте мне литовский язык 14-м экзаменом. Я по-литовски стихи пишу"².

Все экзамены прошли удачно. В осеннюю сессию подали заявление еще несколько бестужевок и были допущены к государственным экзаменам.

Поступив на службу в гимназию Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Людмила Левина познакомилась со своим будущим мужем Г.Х.Мервартом, тоже гимназическим преподавателем.

Густав Герман Христиан Мерварт родился в г. Мангейме в 1884 г. В 1907 г. он с отличием окончил Гейдельбергский университет, став доктором философии (по историко-филологическому факультету, тема его диссертации: «Общественное мнение в Бадене после освободительных войн»³). С октября 1911 г. он вел занятия по немецкому языку в мужской гимназии Ягдфельдов в Петербурге. В 1912 г. перешел в православие и принял русское подданство. В официальных бумагах он значился обычно Германом Христиановичем, а впоследствии подписывался и русским именем — Александр Михайлович. Очевидно, под влиянием невесты он увлекся индологией.

Одаренный и необычайно работоспособный молодой человек обратил на себя внимание акад. В.В.Радлова, директора Музея антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого. С именем знаменитого тюрколога Василия Васильевича (Фридриха-Вильгельма) Радлова связано коренное преобразование бывшей Кунсткамеры. Он стремился превратить музей в крупный современный научный центр. С этой целью был организован планомерный сбор коллекций, устанавливались контакты с аналогичными учреждениями в Западной Европе. Музейная экспозиция должна была служить материалом для изучения быта и культуры различных народов. В 1895 г., когда В.В.Радлов был назначен директором, в штате кроме него числилось лишь два сотрудника — ученый хранитель и служитель⁴. Но музей быстро развивался, и рост коллекций позволял открывать новые отделы.

Индийское собрание музея было скромным по размерам и более или менее случайным по составу. За редкими исключениями вещи поступали от людей, не имевших индологической подготовки. В.В.Радлов строил планы создания полноценного отдела Индии. Что касается сбора вещей и их экспозиции, он возлагал надежды на А.М.Мерварта, который был откомандирован Министерством народного просвещения для занятий в музее. Уже в 1912 г. ему было поручено разобрать коллекцию, купленную у военного агента в Индии М.С.Андреева⁵ (впоследствии

известного востоковеда). Весьма плодотворным для начинающего этнографа должно было стать общение с помощником В.В.Радлова, выдающимся исследователем сибирских народностей Л.Я.Штернбергом. Супруги Мерварт называли его своим учителем⁶.

Для организации нового отдела требовались систематический подбор экспонатов и знакомство со страной, т.е. экспедиция в Южную Азию. Музей не располагал большими средствами, и здесь ему на помощь пришел Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. В деятельности Комитета живую заинтересованность проявляло правительство, что было, естественно, связано с актуальными потребностями внешней политики Российской империи в данном регионе. Комитету оказывали содействие Министерство иностранных дел, Военное министерство, Министерство финансов и Министерство двора. Но активность этой организации протекала в чисто академических формах и в научном отношении была исключительно плодотворна⁷. Комитет много сделал и для организации международного сотрудничества востоковедов. В частности, петербургские ориенталисты и путешественники — Д.А.Клеменц, С.Ф.Ольденбург — оказали большую помощь берлинскому индологу Альберту Грюнведелю в организации его экспедиций в Турфан, область древней буддийской культуры Центральной Азии⁸. Во главе Комитета стоял В.В.Радлов, а его помощником был С.Ф.Ольденбург, непререкаемый секретарь Академии наук, известный специалист по культуре Индии, буддизму и искусству Востока.

На экспедицию в Индию было выделено 12 тыс. рублей в год и столько же — на закупку коллекций. Путешествие требовало серьезной научной подготовки. Консультировать А.М.Мерварта в МАЭ могли такие выдающиеся ученые, как В.В.Радлов и Л.Я.Штернберг, но они, к сожалению, не занимались Индией. Привлечен был на помощь Ф.И.Щербатской, крупнейший специалист по буддийской философии, недавно вернувшийся из Индии. Но он никогда не интересовался этнографией. Огромную помощь участникам экспедиции оказывал С.Ф.Ольденбург (они называли его «наш руководитель»⁹), но Сергей Федорович сам не бывал в Индии.

На летние каникулы 1913 г. Мерварт отправился в Германию для изучения индийских собраний музеев Берлина и Мюнхена, для консультаций с немецкими индологами и проработки специальной литературы. Альберт Грюнведель, работавший в Берлинском музее народоведения, «прежде всего указал на Цейлон,

Нилгири, внутренние районы Декана, Ориссу и, главным образом, области Гималаев»¹⁰ как районы наиболее важные в этнографическом отношении. На Цейлоне планировалось заниматься местными культурами демонов и влиянием народных культов на современные буддизм и индуизм. Затем предполагалось путешествие в Южную Индию — в Мадрас и «внутренние области, преимущественно к горным народностям». «Более всего, — пишет Александр Михайлович В.В.Радлову, — меня привлекают первобытные племена, дравиды и гималайские народности»¹¹. Именно после поездки в Германию, знакомства с богатыми музейными фондами, бесед с Альбертом Грюнведем и Люсианом Шерманом, директором Мюнхенского музея народоведения, сформировалась программа экспедиции. Она уточнялась еще зимой в беседах с тем же А.Грюнведем, В.В.Радловым и С.Ф.Ольденбургом уже в Петербурге. Александр Михайлович определяет примерный маршрут путешествия, проблематику научных изысканий и много размышляет о тех принципах, которые должны лечь в основу формирования нового музейного отдела.

Следует отметить, что программа его работ с самого начала отличалась новизной подхода. Для России, граничившей со странами так называемого северного буддизма (Китай, Монголия, Япония), традиционным являлся интерес к господствовавшим здесь школам махаяны. А.М.Мерварт же обращает внимание на то направление, которое распространено на Цейлоне, — тхераваду. При этом народные культы и представления занимают его не меньше, чем учение, зафиксированное в палийском каноне.

Индийская культура в русской науке (да и в европейской XIX и начала XX в.) прочно ассоциировалась лишь с санскритской литературой. А.М.Мерварт планирует свои занятия главным образом на дравидийском юге Индостана. Его как этнографа привлекают также малоизученные первобытные племена. Он пронизательно замечает, что изучение «дикарей» способно многое прояснить и в классической индийской цивилизации.

Участникам экспедиции предоставлялась широкая свобода действий. Задача их была сформулирована двояко: изучить материальную и духовную культуру народов Индии и составить собрание предметов, которое послужило бы основой для создания в МАЭ отдела культуры Индии.

Зима 1913/14 г. прошла в хлопотах и углубленном изучении научной литературы. Было куплено снаряжение, Александр Михайлович прошел обучение «кинематографическому делу» в лаборатории Вериги-Добровольского¹² (что, вероятно, помогло ему в экспедиции составить огромный фотоархив). Наконец была

Александр и Людмила Мерварт.

Перед отправлением в экспедицию на Цейлон

получена официальная бумага: «Вследствие отношения от 19 марта сего года за номером 1236 <...> командировать прикрепленных к Министерству народного просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта и Людмилу Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографической коллекции для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук сроком на два года с сего 5 апреля»¹³. 10 апреля они выехали в Одессу и оттуда — на пароходе «Екатеринослав» в Коломбо.

А по пути еще была остановка в Египте и поездка к пирамидам. Л.А.Мерварт заносила в дневник первые впечатления: «Кругом бесконечно яркий желтый песок и еще более яркое, глубокое синее небо, а над головой мощная голова сфинкса и дальше резко вычерчиваются двойные треугольники пирамид и их теней. Как хорошо!»¹⁴.

В Коломбо пароход прибыл 16 мая по старому стилю. Молодой русский вице-консул Борис Петрович Кадомцев принял путешественников очень приветливо и всячески старался помочь им в работе. Добрые отношения сложились и с другими соотечественниками¹⁵. Между Россией и Цейлоном уже была налажена

регулярная торговля, в Коломбо жили русские предприниматели и служащие компаний — Иннокентий Васильевич Титов, представитель чайной фирмы «Губкин, Кузнецов и компания», купец Иван Степанович Верещагин.

Уже в первые дни Людмила Александровна записывала: «Побывав в музее, мы убедились, что научной помощи у нас здесь не будет: директор — биолог, burgher-библиотекарь не ученый, зато полезными нам оказались Mr. Albert Jayasinha и старший его брат F.C.Jayasinha». И далее: «Мы учимся оба, сколько можем: Герман изучает буддизм, пали, тамильский язык, а я сингальский язык и собственно этнографию. Дни у нас полные, радостно, счастливо — рабочие»¹⁶. Подробные отчеты путешественники отправили в Петербург В.В.Радлову.

Л.А.Мерварт представилась возможность в течение трех месяцев жить в семье в глухой цейлонской деревне Ампития, о чем она впоследствии любила вспоминать с живыми и красочными подробностями. Это была редкая удача для этнографа и фольклориста, и, конечно, выпала она не случайно. Лишь немногие европейцы, жившие на Цейлоне, с таким интересом относились к местному быту. К тому же Людмила Александровна уже немного знала язык — между тем даже английские этнографы часто не могли обходиться без услуг переводчика. И главным, видимо, было то, что молодым ученым было совершенно чуждо высокомерие, присущее многим европейцам на Востоке.

Они остались в стороне и от модного тогда в Европе, особенно в Германии, увлечения экзотическими религиями. На Востоке их привлекала не мистическая тайна, а научные проблемы, связанные с жизнью и культурой народа. В этом смысле любопытна запись в дневнике Людмилы Александровны о посещении «German Bhikkhu Nyanatilaka Thera (немецкого буддийского монаха Ньянатилака. — А.В.) и его учеников в его Island Hermitage. Это высокомерный, ограниченный, необразованный немец, дивящийся поднебесную тем, что обрил голову, сбросил сапоги и надел желтый плащ. К нему собралось несколько столь же и даже еще более необразованных белых и несколько одураченных черных, и они играют в буддийских монахов. Об уровне их умов и душ можно судить по следующему: Nyanatilaka, узнав, что Герман изучает пали, порекомендовал ему свою собственную грамматику "eine wundervolle Übersicht der Sprache, die beste Grammatik" (замечательный обзорный очерк, лучшую грамматику этого языка. — А.В.). Книга эта очень сумбурная и вообще ничего не стоит. О существовании официально принятой в здешних школах очень хорошей Graduated Pali Course Sumangala и других таких же книгах он узнал от Шурочки. Другой монах из немцев же ре-

комендовал принять буддийское монашество: "Ich bin nur glücklich seit ich die Stiefel und Hosen ausgezogen habe" (Я счастлив, скинув наконец сапоги и брюки. — А.В.). Вообще вся эта уверенная в своей святости компания вызывает чувство глубокого омерзения»¹⁷.

Уже 30 июля путешественники отправили в Петербург первую коллекцию с пароходом «Кишинев», следовавшим рейсом в Одессу, — четыре ящика. Здесь были театральные и ритуальные маски, домашняя утварь, инструменты ремесленников.

А двумя днями позднее пришло известие, что Германия объявила войну России, еще через три дня в войну вступила Англия. Пятым августа датированы телеграммы В.В.Радлову и Л.Я.Штернбергу почти одинакового содержания: «Остаемся в Канди до конца войны, будем изучать буддизм и разговорные языки»¹⁸. Тогда еще можно было наивно надеяться, что мировая война скоро закончится. Телеграммы составлены по-английски — очевидно, во избежание осложнений с цензурой военного времени.

Теперь сама судьба экспедиции была поставлена под сомнение, а положение ее участников сразу стало ненадежным и даже опасным. Неясно было, каких распоряжений ждать из Петрограда. Чиновникам местной британской администрации казались подозрительными разезды ученого немца по стране и его общение с местным населением (к тому же Мерварт не скрывал своего враждебного отношения к британской колониальной политике¹⁹). Не поступало никаких вестей и о том, что случилось с уже отправленной коллекцией. До места назначения она так и не дошла. Лишь много лет спустя стало известно, что груз был задержан в Александрии и продан с аукциона.

И все же экспедиция на этом не завершилась. Россия даже в условиях мировой войны нашла возможность финансировать такое научное предприятие, как сбор этнографической коллекции в Индии и на Цейлоне. Русские дипломаты в Коломбо старались помочь путешественникам.

В те годы изучение стран Южной Азии, по существу, лишь начиналось. В 1914 г. У.Паркером был опубликован первый большой сборник народных сказок Цейлона, в 1915 г. основан журнал "Ceylon Antiquary". Молодые русские востоковеды приняли активное участие в научной жизни острова. В указанном журнале Людмила Александровна опубликовала «Сказание о Паттини-деви» (июль 1915 г.), а ее муж — статью «Очерк о фольклоре сингалцев»²⁰.

В России уже сформировалась богатая традиция собирания и изучения устного народного творчества. Было установлено, что каждое исполнение фольклорного текста должно рассматривать-

ся как творческий процесс. Добавления рассказчика ни в коем случае не следует отбрасывать при публикации текста — последний нельзя подчищать и подправлять, исходя из книжных вариантов произведения. Этими методологическими принципами, совершенно новыми для молодой фольклористики Цейлона, авторы пытались поделиться с коллегами. Александр Михайлович стремился заинтересовать цейлонскую интеллигенцию, учителей (как и в России) делом собирания фольклора. Он давал советы, как заниматься этим методически правильно, объяснял процессы трансформации мифа в сказку, слияния мифологических мотивов и т.п. Работы вызвали живой отклик местных ученых²¹.

В связи с изучением фольклора Людмила Александровна собирала материал о верованиях сингалцев. В дневнике она записывала: «Из их ответов, конечно, будет вытекать нечто совсем другое, чем то, чему учил Будда; но лично меня живая религия интересует едва ли не больше (во всяком случае, не меньше), чем доктрины Учителя. Ведь душа, характер народа отражаются в живой вере, в высокой же философии Будды проявляются лишь вершины, которых достигают немногие лучшие люди, выдающиеся представители религиозной мысли. Масса же народная идет иной дорогой. Почему мне так важна эта дорога? Как религия кладет свой отпечаток на человека и воспитывает его, так и человек предлагаемое ему учение выкраивает и отделяет так, чтобы оно ему пришлось бы впору. На этой обработке выявляется душа народная. И, в свою очередь, претворенная, часто низведенная со своих высот, нисколько, может, даже не напоминающая основное учение, религия вливается широкой струей в народное мировоззрение и изменяет его русло. Поэтому-то знать ее нам так важно для понимания страны и людей»²². Плодотворность подобного подхода в историко-культурных исследованиях стала очевидной спустя много лет.

Время шло. Иллюзорных надежд на скорое окончание войны уже не оставалось. В соответствии с первоначальными планами в конце января 1915 г. экспедиция отправилась в Южную Индию. Ящики с собранными коллекциями были оставлены на хранение на складе чаеоторговой компании у И.В.Титова, с которым ученые особенно сдружились.

Год, проведенный в Южной Индии, оказался особенно плодотворным. Коллекция, привезенная в Мадрас, составляла 92 ящика. Здесь находились, по свидетельству собирателей, совершенно уникальные предметы²³. К сожалению, многие из них потом были повреждены или погибли из-за термитов и тропической влажности. С чисто этнографической точки зрения полезно было полевое обследование ряда племен — урали, палиан (материалы

его частично сохранились в архиве Академии наук²⁴). На Малабарском побережье путешественники с огромным интересом наблюдали представление театра *катхакали*. Проблема народного театра вскоре стала одним из важнейших направлений их работы.

Собирание этнографического материала органично сочеталось с изучением классической литературы — как санскритской, так и тамильской. Несколькими годами ранее известный индийский ученый Ганапати Шастри обнаружил рукописи пьес, приписываемых замечательному древнеиндийскому драматургу Бхасе. Вопросы авторства этих текстов вызвали оживленную полемику. Александр Михайлович усиленно занимался переводами драм Бхасы с санскрита, поэмы «Манимехалей» с тамильского. Ему помогали крупнейшие представители индийской науки, такие, как тамиллист Махамахопадхьяя Субраманья Айяр, этнограф Ананта Кришна Айяр, известный специалист по индийской иконографии Т.Гопинатха Рао. Общение с местной интеллигенцией вообще является одной из наиболее характерных черт экспедиции.

Между тем двухлетний срок заканчивался, а в условиях войны не было возможности вывезти на родину собранные обширные коллекции. В Петрограде было решено продлить командировку еще на два года. Супруги Мерварт направились в Северную Индию, чтобы работать в Кашмире и Пенджабе, Дели и Матхуре, в области долины Ганга. Интенсивные поездки и полевые исследования не прекращались несмотря даже на то, что молодая семья ожидала появления первенца (ребенок умер вскоре после рождения).

В самом конце 1916 г. путешественники прибыли в Калькутту. Здесь А.М.Мерварту предложили работу в Индийском музее. Он согласился с тем условием, что в качестве вознаграждения некоторые дублетные экземпляры индийских музыкальных инструментов будут переданы ему для МАЭ. Весну и начало лета 1917 г. ученые провели в Ассаме, в тех самых богатейших с этнографической точки зрения областях Северо-Восточной Индии, о которых шла речь в Берлине, Мюнхене и Санкт-Петербурге четыре года тому назад.

Материальное положение участников экспедиции ухудшалось. В России началась революция, и деньги из Академии наук задерживались, а затем и вовсе перестали поступать²⁵. Людмиле Александровне пришлось устроиться на работу в женский колледж в Калькутте. Ее муж исполнял должность заведующего этнографическим отделом Индийского музея. Музей этот был старейшим и крупнейшим в Индии, но этнографическим его отделом никогда не руководил специалист. Со свойственным ему энтузиазмом и энергией Александр Михайлович принялся за ре-

организацию отдела. Он успел опубликовать два путеводителя — по коллекции музыкальных инструментов и по экспозиции, представляющей Андаманские и Никобарские острова, а также племена Ассама²⁶.

Помимо этого ученый выступал с докладами в Азиатском обществе. Лекция его о драмах Бхасы, опубликованная в декабре 1917 г.²⁷, включала общий обзор содержания пьес и анализ их стилистических особенностей. С точки зрения исследователя, основной проблемой являлась датировка текстов пьес, а не проблема авторства именно Бхасы (о чем преимущественно дискутировали ученые). Особое внимание он уделил драме «Свапна-васавадатта», которая и ныне с наибольшими основаниями может считаться древнейшей. Для датировки текста исследователь предлагал несколько критериев — сопоставление с эпосом, с «Натьяшастрой» и т.д. Он сравнивал драму с сочинениями Калидасы и находил, что если последние напоминают стиль искусства гуптской эпохи, то «Свапна-васавадатта» ближе вкусам кушанского времени. Общая тенденция развития индийской эстетики, по мнению Мерварта, — от простоты и реализма к утонченному изяществу. Видимо, не все драмы казались ему столь же древними, как «Свапна-васавадатта», — во всяком случае в «Балачаритре» он усматривал нечто вроде средневековой мистерии.

В «Трудах Азиатского общества» была напечатана также небольшая заметка Александра Михайловича о русском «бисмере» (безмене)²⁸. Его научная активность была отмечена избранием иностранным членом Азиатского общества.

К концу 1917 г. финансовое положение участников экспедиции стало отчаянным, в особенности после того, как была сокращена должность заведующего этнографическим отделом музея. Приходилось брать деньги в долг у сотрудников российского консульства В.В.Томановского и П.А.Рогальского. По телеграфу поступило сообщение о том, что еще в июле 1917 г. Академия наук выслала в Калькутту 522 фунта стерлингов. Однако, как писал Мерварт, «по причинам, стоящим в связи, вероятно, с происходящими в России переворотами, эта сумма до нас не дошла. У нас теперь не имеется средств ни на продолжение работы, ни на возвращение домой»²⁹. На предложение британских властей сменить гражданство и продать коллекцию этнографы ответили отказом.

7 января 1918 г. Российское посольство в Лондоне уведомило Генеральное консульство в Калькутте о том, что Петроградская Академия наук перевела чек на сумму 418 фунтов стерлингов для доктора Г.Х.Мерварта. В сопроводительном письме говорилось: «Вместе с сим Посольство покорнейше просит передать д-ру

Мерварту, что ввиду крайней сомнительности в дальнейших переводах и могущих возникнуть в связи с этим для него нежела- тельных затруднений ему следует употребить переводимую сумму денег на окончательную ликвидацию его научной экспедиции и на возвращение обратно в Россию вместе с супругой»³⁰. Деньги были получены лишь 26 февраля 1918 г. Истекал четвертый год путешествия.

В самом конце февраля 1918 г. из Калькутты во Владивосток отплывал пароход «Евгения», зафрахтованный еще в 1916 г. Поскольку торговое судно не должно было принимать на борт пасса- жиров, Александр Михайлович был оформлен сигнальщиком, а Людмила Александровна — фельдшером. Более 70 ящиков с коллекциями пришлось оставить на хранение в Индийском му- зее в Калькутте, лишь самое ценное удалось взять с собой. Мор- ской переход не обошелся без приключений. Отношения Англии с Советской Россией были настолько напряженными, что бри- танские власти в Бирме конфисковали судно как вражеское, а команду в качестве пленных 66 дней содержали в Рангунской крепости³¹. Когда 26 июля 1918 г. ученые прибыли во Владиво- сток, уже началась гражданская война и все дороги в Петроград были отрезаны.

В том же, 1918 г. супруги с несколькими коллегами «с боль- шой смелостью и очень небольшими силами и средствами осно- вали историко-филологический факультет»³², ставший частью Дальневосточного государственного университета. А.М.Мерварт читал там лекции по сравнительному языкознанию, санскриту и буддизму, а его супруга — по романо-германской филологии. Работал Александр Михайлович и доцентом восточного факуль- тета, ведя занятия по истории индийской культуры³³. Страшная инфляция заставляла не ограничиваться университетским препо- даванием и искать возможности заработка в сфере практиче- ской деятельности. А.М.Мерварт служил заведующим иностран- ным отделом в двух крупных торговых фирмах, был помощни- ком Главного секретаря Междусоюзного комитета железных до- рог³⁴. Его жена подрабатывала уроками и переводами. Ситуация еще более осложнилась после рождения детей — дочери Любви, а затем сына Владимира.

В марте 1920 г. А.М.Мерварт предлагал свои услуги Совет- скому правительству через представителя РСФСР во Влади- востоке В.Д.Виленского-Сибирякова³⁵. Он надеялся вернуться в Индию, получив место в русском консульстве. Попытки связать- ся с Петроградом и выяснить свое служебное положение в МАЭ не имели результата. С декабря 1921 г. Дальневосточный универ- ситет перестал платить жалованье преподавателям. В начале сен-

тября 1922 г. семья уехала в Харбин³⁶, где Александр Михайлович стал секретарем Пристанского отделения Русско-Азиатского банка, а его жена преподавала западноевропейские языки в гимназии. Лишь эпизодически удавалось заниматься наукой.

После войны постепенно восстанавливались международные связи. Из Мадраса в Академию наук сообщили, что собранные экспедицией коллекции находятся под угрозой полной гибели. С.Ф.Ольденбург развернул активную деятельность по вывозу в Петроград закупленных в Индии экспонатов. Весной 1921 г. Ф.И.Щербатской выехал в Лондон для чтения лекций по индийской философии. Он захватил с собой официальное письмо советскому торговому представителю Л.Б.Красину с просьбой всячески содействовать получению разрешения на этот счет от английских властей. Очевидно, могли быть полезны и личные контакты Ф.И.Щербатского с министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном через посредство директора Лондонской школы восточных языков Денисона Росса. На спасение коллекций Советское правительство ассигновало 600 фунтов стерлингов³⁷.

Возник план возобновить индийскую экспедицию и самим собирателям организовать вывоз коллекций. На это предложение они ответили отказом, объяснив его мотивы в письме Л.Я.Штернбергу: «До войны Россия была еще богатой страной, которая могла легко позволить себе роскошь содержать и оплачивать двух научных работников в Индии. Теперь положение, к сожалению, сильно изменилось. Денег в России не хватает на самые насущные потребности, на восстановление производства, транспорта, торговли, наконец, просто на приличное прокормление народа <...> Мысль, что мы можем спокойно и сытно и даже с комфортом работать, отдаваясь всецело любимой научной деятельности, в то время когда сотни тысяч русских людей голодают, когда с большим трудом налаживается работой лучших людей расстроенная экономическая организация страны, была бы для нас абсолютно невыносима»³⁸.

Кроме того, по мнению А.М.Мерварта, в сложившихся обстоятельствах этнографическая деятельность в Индии вызвала бы такие подозрения британских властей и даже местного населения, что скоро стала бы совершенно невозможна. Ученый выдвинул иной план: назначить его работником консульства, торгового представительства или банка, а эту практическую деятельность он обещал совмещать с научной работой. Последнее предложение, очевидно, не получило поддержки.

Наконец летом 1923 г. пароход Балтийского государственного пароходства забрал 73 ящика (300 пудов) коллекций, хранивших-

ся в Индийском музее в Калькутте. Речь шла также о вывозе коллекций, находившихся в Мадрасе, Коломбо и Владивостоке³⁹. С окончанием гражданской войны встал вопрос и о возвращении самих путешественников. 27 августа 1923 г. они телеграфировали Штернбергу: «Обрадованы прибытием сохранности коллекции стремимся возможно скорее вернуться любимому делу хлопчите выдаче нам разрешения въезд командировочного проезда до Петрограда если возможно морем дабы взять коллекции Владивостока»⁴⁰. За телеграммой следовало письмо: «С прибытием коллекций вопрос о нашем возвращении стал на совсем другую и вполне ясную плоскость. До сих пор нам, собственно говоря, незачем было вернуться в Академию, ибо такое возвращение с пустыми руками, хотя и без нашей вины, было бы для нас и неприятно, и бесполезно. Теперь же перед нами задача определенная, и работа по крайней мере на год, если не больше — оживить эту коллекцию, превратить этот вещественный материал путем классификации, каталогизации и всестороннего описания в живую картину индийского быта. Конечно, это можем сделать только мы, и мы, ни минуты не колеблясь, решили как можно скорее вернуться в Петроград, в наш любимый музей к желанной работе»⁴¹.

В ноябре того же года Академия наук исхлопотала бесплатный проезд «ученому Мерварту <...> с женой и двумя малолетними детьми» до ст. Петроград «в одной теплушке пассажирской скоростью»⁴². Однако из-за болезни Людмилы Александровны отъезд задержался до 28 июня 1924 г.⁴³. По пути следования им пришлось еще дожидаться в Чите товарного поезда из Владивостока, чтобы забрать остававшиеся там 12 ящиков с экспедиционными материалами, рукописями и книгами. В Ленинграде Александр Михайлович стал ученым хранителем (с 16 сентября 1924 г.), а его супруга — младшим научным сотрудником МАЭ. К юбилею Академии наук в 1925 г. планировалось долгожданное открытие экспозиции отдела Индии. К концу 1926 г. учеными были разобраны 4,5 тыс. предметов и более 1,5 тыс. фотографий.

Работа супругов Мерварт не ограничивалась их деятельностью в музее. Они активно принялись за преподавание. В университетах дореволюционной России практически не изучали ни разговорные языки Индии, ни современное положение в стране. Проблема эта очень остро встала перед советскими вузами в 20-х годах. Сразу же после возвращения Александр Михайлович был приглашен в Ленинградский институт живых восточных языков (Ленинградский Восточный институт — ЛВИ) в качестве доцента для чтения лекций по страноведению Индии и проведения занятий по тамильскому языку. С 1925 г. он стал доцентом также и

на восточном цикле ямфака (факультета языкознания и материальной культуры), а затем на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. На разных курсах Мерварт вел занятия по географии и этнографии Индии, политической и социальной истории страны, по сравнительной грамматике дравидийских языков, индийским религиям, музееведению, преподавал литературный и разговорный тамильский язык⁴⁴.

В 1927/28 г. Александр Михайлович был приглашен на Высшие курсы Российского Института истории искусств для чтения лекций по истории и технике индийского театра⁴⁵. Кроме того, он выступал с докладами в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и на заседаниях Радловского кружка при МАЭ, читал популярные лекции по истории техники в I Рабоче-крестьянском университете. Людмила Александровна работу в МАЭ также совмещала с лекционной деятельностью и сотрудничеством в Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока имени А.Н.Веселовского при ЛГУ (1924—1927)⁴⁶.

Первые их публикации стали появляться, кажется, сразу же после возвращения в Ленинград. Уже в 1925 г. был напечатан небольшой очерк Л.А.Мерварт «Парии Цейлона» в журнале «Вестник знания». В 1926 г. в Париже вышла большая статья А.М.Мерварта, посвященная театру *катхакали*⁴⁷, — первое в европейской научной литературе подробное описание его представлений. Работа отличалась тщательностью и тонкостью наблюдений очевидца — профессионального этнографа. В том же году вышла статья Александра Михайловича «Роль музеев в культуре современной Индии»⁴⁸ и рецензия на книгу Ходсона о первобытных племенах Индии⁴⁹.

Следующий, 1927 г. был особенно богат событиями и публикациями. У Людмилы Александровны вышли две статьи: по цейлонскому фольклору⁵⁰ и по индийской этнографии — об обрядовых уборках кашмирских брахманов⁵¹. Напечатан был их общий отчет об экспедиции⁵² и небольшая книжка — путеводитель по индийскому отделу МАЭ⁵³. Последний не был простым описанием вещей; Александр Михайлович с полным основанием сопроводил его подзаголовком: «Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ». Это было, действительно, введение в изучение индийского быта, составленное человеком, знавшим Индию «изнутри», по личным наблюдениям. Как свидетельство очевидца и знатока, брошюра сохраняет свое значение и поныне.

Кроме того, появились еще три статьи Мерварта: «Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме»⁵⁴, «Достижения и про-

блемы индийской этнографии»⁵⁵ и «Музейное дело в Индии»⁵⁶. По существу, здесь сконцентрированы были все три основных направления деятельности ученого⁵⁷: дравидология, театр и этнография, музейное дело.

Публикации об индийских музеях были актуальны в Советской России. Автор отмечал роль музея как центра народного образования. Особенно важной эта роль оказывалась в тех странах, где подавляющее большинство населения было неграмотно — как колониальная Индия или Советская Россия. Музей здесь мог заменить и книгу, и школу — в особенности, если показ экспозиции сочетался с лекционной просветительской работой, своего рода народным университетом. Александр Михайлович привлек внимание к опыту Археологической службы Индии в деле охраны памятников, организации выставок на месте раскопок, создания небольших музеев, органично сливающихся с естественным ландшафтом. Ученый демонстрировал связь индийских музеев с развитием кустарных промыслов, отмечал их значение в качестве центров краеведения, их функцию хранителей культурного наследия как отдельных народностей, так и страны в целом. Именно эти проблемы стояли и перед советской научной общественностью — в канун «великого перелома» и разгрома краеведения.

Не меньший интерес вызвала работа ученого и в другом направлении — изучении восточного театра. Еще в 1923 г. преподаватели ЛВИ читали цикл общедоступных лекций о театре: об Индии говорил С.Ф.Ольденбург, о Японии — Н.И.Конрад, о Китае — В.М.Алексеев, о Турции — А.Н.Самойлович, о Персии — Е.Э.Бертельс, о Тибете — Б.Я.Владимирцов⁵⁸. Интерес к этой тематике был велик — и в научной, и в артистической среде. К 15-летию юбилею Российского Института истории искусств А.М.Мерварт предложил устроить выставку «Театр Востока». С.Ф.Ольденбург отнесся к этой идее очень сочувственно и обещал предоставить Большой конференц-зал Академии наук. Помимо экспонатов из МАЭ были вещи из фондов Русского музея (имевшего тогда Буддийский отдел) и музея Государственных академических театров. В выставочный комитет входили А.А.Гвоздев — председатель разряда истории и теории театра Российского Института истории искусств, Н.И.Конрад, А.М.Мерварт и А.Н.Самойлович. Выставка работала с 26 марта по 11 апреля 1927 г.⁵⁹. Под редакцией Мерварта был выпущен путеводитель, в составлении которого участвовали также В.М.Алексеев, Е.Э.Бертельс, В.Я.Владимирцов, Л.А.Мерварт, Н.Я.Марр, А.Н.Самойлович и Н.И.Конрад. В связи с работой выставки лекции читали выдающиеся востоковеды — В.М.Алексеев, Е.Э.Бертельс, Н.И.Кон-

рад. Сам Александр Михайлович рассказывал об индийском народном театре и вишнунитских культовых действиях, а его жена — о малайском театре теней и марионеток и театре одного актера.

По мысли устроителя, выставка и лекции преследовали двоякую цель⁶⁰. С одной стороны, привлекалось внимание к научной проблеме, к важному аспекту культуры восточных стран; с другой — возникали новые идеи, способствовавшие возрождению театрального искусства. Выставка имела большой успех — такой же, как знаменитая I Буддийская выставка 1919 г. Ее посещало по 200 чел. в день, на лекции собиралось около 150 чел.

Этот успех Александр Михайлович хотел закрепить изданием сборника статей. Еще в 1926 г. он подавал заявку⁶¹ в издательство Academia на небольшую книгу «Народный театр Индии». Материал ее составил значительную часть сборника «Восточный театр», вышедшего под его редакцией. В числе авторов были также Н.И.Конрад (японский театр), Б.А.Васильев (китайский театр) и Л.А.Мерварт (малайский театр). В предисловии ученый писал: «Нет сомнения, что в настоящее время перестройки театрального дела на новых началах научное освещение в доступной форме мало изученной области театральной жизни <...> наведет на ряд новых идей»⁶².

В том же, 1927 г. состоялась продолжительная (с 1 апреля по 8 октября) заграничная командировка супругов Мерварт в Германию, Голландию и Францию⁶³. Александр Михайлович вел переговоры с Л.Шерманом в Мюнхене о возобновлении связей между музеями и о систематическом обмене коллекциями. Обсуждение аналогичных проблем происходило в Берлине, Лейпциге и Штутгарте, в Лейдене и Арнгейме, в Брно и Любляне. В Голландии Людмила Александровна изучала малайский язык и литературу по этнографии Индонезии, так как вслед за индийским в МАЭ открывался отдел Индонезии и она была назначена его заведующей.

Особое внимание этнографов привлекли новая техника и приемы экспонирования вещей, устройство музеев под открытым небом, связь выставок с учебным процессом. Важно было и обсуждение общих проблем с зарубежными коллегами. Л.А.Мерварт сочувственно цитировала слова одного из ведущих голландских ученых: этнография убедительно показывает, что «достижения прошлого не есть результат творчества немногих одиночек, но сам народ созидает основное здание всякой культуры»⁶⁴, — идея, близкая советской науке 20-х годов.

Одна из задач командировки А.М.Мерварта была связана с дравидологией. Он составил первую русскую «Граматику разго-

ворного тамильского языка», по которой должны были обучаться студенты ЛВИ. Такого рода пособий практически не было еще и в Западной Европе. По наведенным справкам, тамильский язык систематически нигде не преподавался. Через Надежду Щупак, жившую в Париже⁶⁵, удалось связаться с тамильским студентом Р.Рао. С ним Александр Михайлович и занимался проверкой своей грамматики, в Париже он собирал для нее дополнительный материал. Огромные сложности вызывало и издание книги. Тамильский шрифт был заказан в Лейпциге с помощью Л.Шермана. А.М.Мерварт с большой настойчивостью просил С.Ф.Ольденбурга финансировать эту покупку за счет Академии наук⁶⁶. Директору МАЭ Е.Ф.Карскому он предлагал закупить в Индии фонографические записи с учебной целью⁶⁷.

Во время пребывания в Берлине ученый широко делился впечатлениями и результатами своей научной экспедиции, вызвав большой интерес коллег. Л.Шерман пригласил его в июне—июле следующего года читать лекции в Мюнхене по дравидийской этнографии⁶⁸. Из Восточного семинария Берлинского университета поступило письмо следующего содержания: «Огромный успех Вашего доклада о *катхакали* в Институте театроведения нашего университета заставляет нас просить Вас прочитать несколько лекций о народной жизни юга Индостана. Эта тема является пробелом в нашем учебном плане на 1928 г.»⁶⁹.

Год заканчивался серией успехов. 23 декабря Всеукраинская научная ассоциация востоковедов избрала Александра Михайловича своим членом-корреспондентом⁷⁰. 29 декабря Коллегия востоковедов при Азиатском музее избрала его действительным членом⁷¹. Еще ранее он стал действительным членом Института истории искусств по секции истории театра⁷².

Но события развивались противоречиво. На 1928 г. Академия наук не имела средств для заграничных командировок⁷³. Были опубликованы две ранее подготовленные статьи — по санскритской драме⁷⁴ и дравидийской лингвистике⁷⁵, а также перевод тамильского памятника «Злоключения преподобного Горемыки и его пяти учеников»⁷⁶. В последнем случае, однако, предисловие Мерварта было снято без согласования с ним, что в значительной мере обесценило публикацию. Удивительно, что вообще этот памятник старинной литературы смог появиться на страницах журнала «Вестник иностранной литературы». В архиве сохранилось следующее послание из редакции: «Редакция с удовлетворением принимает Ваше предложение на переводах (sic!) разных индийских литератур. Одновременно ставим Вас в известность, что нас интересуют исключительно социальные и современные произведения»⁷⁷.

В 1927 г. Александр Михайлович получил извещение с ямфака, что на будущий год он «оставлен без поручений с правом получения двухнедельного выходного пособия»⁷⁸. В следующем, 1928 г. он был вычеркнут из списка преподавателей ЛВИ⁷⁹. Обстановка быстро менялась не только в востоковедении — в Ленинграде, во всей стране.

1929 г. отмечен выходом долгожданных книг: «Грамматики разговорного тамильского языка» в издании ЛВИ, сборника «Восточный театр» в издательстве Academia и «В глуши Цейлона» в издательстве П.П.Сойкина. Увлекательный очерк цейлонского быта должен был стать первым выпуском целой серии этнографических публикаций (второй, видимо, предполагалось посвятить Малабарскому берегу Индии). Неутомимый исследователь строил новые планы. Для «Малой энциклопедии Зарубежного Востока» им были написаны обстоятельные статьи по языкам и памятникам старины и искусства Индии⁸⁰. В Главнауку Ф.Н.Петрову была передана рукопись сборника статей «Этнографические музеи в Западной Европе»⁸¹. Александр Михайлович дал в ней описание музеев Германии, а его жена — музеев Голландии. Статьи сборника содержали полезный материал об опыте западноевропейских коллег и их исканиях «новых путей музейного строительства».

С 1926 г. А.М.Мерварт по поручению ЛВИ писал учебное пособие «Индия — страна и люди»⁸². Рукопись книги под названием «История индийских народов» (объемом 15 п.л.) готовилась для издания в Ленинградском отделении Госиздата⁸³. В качестве приложения к «Вестнику знания» ученый предлагал книгу «Разные течения общественной мысли в современной Индии». Он не оставлял также надежды опубликовать те переводы с санскрита и тамильского, которые были выполнены в Индии. Но всем этим планам уже не суждено было осуществиться.

В 1929 г. началась реорганизация Академии наук. Никакие компромиссы с властью не спасли С.Ф.Ольденбурга — он был снят с должности неперменного секретаря Академии. Пошли аресты. Контрреволюцию обнаружили и в МАЭ. В октябре была арестована Людмила Александровна. Через некоторое время ее освободили, но 14 декабря арестовали мужа (видимо, вскоре его выпустили, но 13 января 1930 г. арестовали вновь). Немец, который говорил на пяти европейских языках, на китайском и нескольких индийских, долго живший за рубежами СССР, казался очень удобной фигурой для громкого процесса. В так называемом академическом деле, которое было призвано терроризировать ученых и всю интеллигенцию, Александр Михайлович фигурировал как резидент германской разведки и активный участ-

ник «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»⁸⁴. Арестом больной жены, угрозами в отношении детей следователи сломали его и принудили к «сотрудничеству». 8 августа 1931 г. коллегия ОГПУ приговорила его к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Он умер через несколько месяцев в Ухтпечлаге⁸⁵.

Практически полностью пропали его научные архивы. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (ПФ АРАН) хранится рукопись перевода мистерии в пяти действиях Бхасы «Подвиги младенца Кришны» (с надписью «начато в Дели 1 ноября 1916 г., кончено в Серампуре 31 мая 1917 г.»)⁸⁶, в фонде М.И.Тубьянского (также репрессированного индолога) — машинопись перевода «Свапнавадатты» (без титульного листа, но, очевидно, выполненного А.М.Мервартом)⁸⁷. Небольшие фрагменты из «Введения в дравидийскую филологию», из «Истории индийских народов» и статьи для энциклопедии находятся в фонде Д.К.Зеленина⁸⁸ и в архиве МАЭ.

Людмила Александровна была вторично арестована 8 июля 1930 г. и приговорена к пяти годам заключения. В 1941 г. их сын погиб в боях под Москвой. В судьбе семьи отразилась трагедия поколения, трагедия страны.

С 1944 г. Людмила Александровна жила с дочерью в Москве. Она работала в Издательстве иностранных и национальных словарей, преподавала в Московском Институте востоковедения и Военном институте иностранных языков, а с 1954 г. — в МГИМО. Индонезисты вспоминают о ней как об учителе⁸⁹. Л.А.Мерварт скончалась в 1965 г.

Значение экспедиции супругов Мерварт в Индию и на Цейлон исключительно велико. Во многих областях индологии они были пионерами. По существу, именно они создали индийский отдел МАЭ. В собранных ими коллекциях (№ 27—88) представлены материальная культура и верования народностей разных областей и антропологических групп, первобытные племена и большие города, индуисты и буддисты, мусульмане и христиане. Написанные ими этнографические очерки сохраняют живые черты уходящего традиционного быта Южной Азии.

Ведущее место в научном наследии А.М.Мерварта занимают проблемы дравидологии, области совершенно новой не только в России, но и в Западной Европе, и даже в Индии. Сам ученый отмечал: «Как это ни странно, СССР в настоящее время — почти единственная страна, в которой культивируется эта область индологии»⁹⁰. Им была подготовлена грамматика тамильского языка. Одним из первых Александр Михайлович стал рассматривать классическую индийскую культуру как «результат скрещи-

вания целого ряда культур — австралополинезийской, дравидийской, арийской и др.»⁹¹. Он подчеркивал, что влияние дравидийского субстрата проявляется уже в языке Вед, и многого ждал от изучения только что открытой тогда Хараппской культуры, предполагая, что создателями последней были предки дравидов (гипотеза, приобретающая ныне все больше сторонников).

Индуистские культы Мерварт рассматривал как этнограф, выводя их истоки из племенных верований и религиозных представлений первобытных народностей Индостана. Этнографическому анализу он подвергал и произведения классической литературы древней Индии. Книга, которую ученый не успел закончить, не случайно носила столь непривычное название «История индийских народов» (а не просто «История Индии»). Это был принцип, кажущийся сегодня как нельзя более современным.

А.М.Мерварт одним из первых привлек внимание исследователей к проблеме народного театра Индии. Он дал классическое описание *катхакали*. Собранный им значительный этнографический материал позволил поставить ряд новых научных проблем: о различных формах театральных зрелищ и представлений, народных истоках санскритской драмы и в то же время о влиянии последней на современный фольклорный театр, в частности Южной Индии.

В изучении Цейлона предшественником супругов Мерварт в России был лишь И.П.Минаев, но замечательного буддолога привлекали главным образом старинные рукописи и развалины монастырей, а не этнография острова. Участники экспедиции собирали фольклор и материалы по народным верованиям сингалцев. Их подход к народному творчеству и живой религии населения сохранил научную актуальность.

Результаты экспедиции в Индию и на Цейлон не могли быть полностью реализованы. На всю научную деятельность Александра Михайловича и Людмилы Александровны Мерварт после возвращения в Ленинград было отпущено всего неполных пять лет... Должна была сформироваться целая научная школа русских цейлонистов, дравидологов, специалистов по театру и этнографии Южной Азии. Но все было прервано в самом начале.

¹ См.: *Краснодембская Н.Г.* Труженики и романтики этнографической науки. — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 11. СПб., 1997, с. 315—325; *Люстерник Е.Я.* Научная экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию в 1914—18 гг. — *Историография и источниковедение стран Азии и Африки*. Вып. IV. Л., 1975, с. 58—63.

² Мерварт Л.А. Как бестужевки впервые сдавали государственные экзамены. — Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878—1918 гг.) Л., 1965, с. 215—217.

³ Письмо А.М.Мерварта С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).

⁴ Краснодембская Н.Г. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М., 1983, с. 68.

⁵ О деятельности М.С.Андреева в качестве военного агента см.: АВПРИ, ф. 214. Консульство в Бомбее, оп. 779, д. 162; ф. 238. Генконсульство в Калькутте, оп. 778, д. 220.

⁶ История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997, с. 431.

⁷ См., например: Джарылгасинова Р.Ш., Сорокина М.Ю. Академик Н.И.Конрад: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности. — Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д.Тумаркин. Вып. 1. М., 1999 (2-е изд. М., 2003 г.), с. 217, 218.

⁸ См.: Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном русском востоковедении (деятельность Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии). М., 1984.

⁹ Надпись на книге А.М. и Л.А. Мерварт «В глуши Цейлона» (см. Каталог библиотеки С.Ф.Ольденбурга. Душанбе, 1989).

¹⁰ Из письма А.М.Мерварта В.В.Радлову от 9.VII.1913 г. (Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг. М., 1999, с. 393).

¹¹ Там же, с. 395.

¹² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 67, л. 176.

¹³ Русско-индийские отношения в 1900—1917 гг., с. 396.

¹⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 60, л. 6.

¹⁵ Там же, л. 23.

¹⁶ Там же, л. 15—16.

¹⁷ Там же, л. 18—20. Речь идет о немецком индологе Антоне Гюте, который, приняв имя Ньянатилака, стал буддийским монахом.

¹⁸ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 67, л. 279—280.

¹⁹ В секретном донесении вице-консула Б.П.Кадомова говорилось: «По своей наружности, привычкам г. Мерварт является типичным немцем <...> К сожалению, г. Мерварт не скрывает своей ненависти к англичанам, и благодаря несколько несдержанному и вспыльчивому характеру он часто позволяет обнаруживать свою неприязненность к англичанам» (Русско-индийские отношения, с. 401—402). Особую тревогу колониальным властям внушали контакты А.М.Мерварта с цейлонскими националистами из общества «Махабодхи». Русских ученых подвергли обыску, их дальнейшая работа на острове стала невозможна. См.: АВПРИ, ф. 147. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1027, л. 9—15.

²⁰ См.: ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 61.

²¹ См., например, отзыв, опубликованный в «Ceylon Antiquary» (ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 76).

²² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 60, л. 27.

²³ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 5.

²⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 69, 70 и др.

²⁵ См. переписку в АВПРИ: ф. 238. Генконсульство в Калькутте, оп. 778, д. 84, л. 13—15.

²⁶ A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum, Calcutta, 1917; The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam. Ethnographic Gallery Guide, Book 2. Calcutta, 1919.

- ²⁷ *Meerwarth A.M.* The Dramas of Bhasa: A Literary Study. — Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS). 1917, vol. XIII, № 5, p. 261—280.
- ²⁸ *Meerwarth G.H.* The "Bismar" in Russia. — Memoirs of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta, 1917, vol. IV, p. 200.
- ²⁹ АВПРИ, ф. 238. Генконсульство в Калькутте, оп. 778, д. 60, л. 74.
- ³⁰ Там же, л. 76.
- ³¹ См.: *Веселовод И., Никифоров А.* Настоящая радуга. Рассказы о русских путешественниках в Бирме. М., 1973, с. 158—163.
- ³² ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 10.
- ³³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 35.
- ³⁴ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 10.
- ³⁵ Там же, л. 7.
- ³⁶ См.: там же, л. 2, 10, 16.
- ³⁷ ПФ АРАН, ф. 725, оп. 2, д. 22; см. также ф. 282-2, д. 195, л. 2.
- ³⁸ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 3—4.
- ³⁹ ПФ АРАН, ф. 250, оп. 3, д. 86, л. 3—4.
- ⁴⁰ ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 195, л. 28.
- ⁴¹ Там же, л. 5—8.
- ⁴² Там же, л. 9.
- ⁴³ Там же, л. 17, 18об., 23 об.
- ⁴⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 9—10, 22, 23, 27; ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 32, 34 и об., 48, 53.
- ⁴⁵ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 15, 25.
- ⁴⁶ *Милицанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов Т. II. М., 1995, с. 72.
- ⁴⁷ Les Kathakalis du Malabar. — Journal Asiatique. 1926, p. 198—284.
- ⁴⁸ *Мерварт А.М.* Роль музеев в культуре современной Индии. — Научный работник. М., 1926, № 2, с. 84—96.
- ⁴⁹ Этнография. М., 1926. Кн. 1—2.
- ⁵⁰ *Мерварт Л.А.* Техника сказывания сказок у сингалцев. — Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927, с. 50—59.
- ⁵¹ *Мерварт Л.А.* Обрядовые уборы кашмирских брахманов. — Сборник МАЭ. Л., 1927, т. VI, с. 165—209.
- ⁵² *Мерварт А.М.* и *Л.А.* Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914—1918 гг. Л., 1927, 24 с.
- ⁵³ *Мерварт А.М.* Отдел Индии. Краткий путеводитель по Музею антропологии и этнографии. Л., 1927, 96 с.
- ⁵⁴ *Мерварт А.М.* Сюжет Сакунталы в малабарской народной драме. — Восточные записки. Л., 1927, т. 1, с. 117—130.
- ⁵⁵ *Мерварт А.М.* Достижения и проблемы индийской этнографии. — Этнография. М., 1927. Кн. 3, № 1, с. 123—156.
- ⁵⁶ *Мерварт А.М.* Музейное дело в Индии. — Известия ГАИМК. Л., 1927, т. 5, с. 139—156.
- ⁵⁷ Письмо А.М.Мерварта С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).
- ⁵⁸ *Кононов А.Н., Иориш И.И.* Ленинградский Восточный институт. М., 1977, с. 35. В 1923 г. Российский Институт истории искусств издал перевод книги Карла Гегемана «Игры народов. Вып. 1. Индия». Она была объявлена как часть неперидической серии «Восточный театр».
- ⁵⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 2 и сл.
- ⁶⁰ Там же, л. 4.
- ⁶¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 13.
- ⁶² Восточный театр. Сб. статей. Л., 1929, с. 3—4.

- ⁶³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9.
- ⁶⁴ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 75, л. 17.
- ⁶⁵ Людмила Александровна могла знать ее по Бестужевским курсам, которые Надежда Овсеевна Щупак (урожденная Штейнберг) окончила в 1908 г. Н.Щупак училась затем в Париже у С.Леви и работала как санскритолог под его руководством. См. о ней: Nadine Stchoupak (1886—1941). P., 1945.
- ⁶⁶ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 18, 21
- ⁶⁷ Там же, л. 20.
- ⁶⁸ Там же, л. 22.
- ⁶⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9, л. 26.
- ⁷⁰ Там же, л. 27.
- ⁷¹ Там же, л. 28.
- ⁷² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 15.
- ⁷³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 70.
- ⁷⁴ Мерварт А.М. Элемент народного творчества в классической драме древней Индии. — Сборник МАЭ. 1928, т. VII, с. 267—282.
- ⁷⁵ The History of the Intervocalic Stops in the Dravidian Languages. — Доклады Академии наук СССР. Серия В. Л., 1928, № 7, с. 142—149.
- ⁷⁶ Злоключения преподобного Горемыки и его пяти учеников. — Вестник иностранной литературы. М.—Л., 1928, № 12, с. 45—66.
- ⁷⁷ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9, л. 43.
- ⁷⁸ Там же, л. 39.
- ⁷⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 28.
- ⁸⁰ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 9, л. 41. Ср. письмо А.М.Мерварт С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).
- ⁸¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 27; ф. 142, оп. 1, д. 1, л. 43. Статью Л.А.Мерварт см. ф. 142, оп. 2, д. 74.
- ⁸² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 4, л. 19.
- ⁸³ Письмо А.М.Мерварта С.Ф.Ольденбургу от 18 декабря 1928 г. (МАЭ, без инвентарного номера).
- ⁸⁴ См.: Перчёнок Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе». — Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991, с. 219; Академическое дело 1929—31. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. СПб., 1993.
- ⁸⁵ Васильков Я.В. и др. Репрессированное востоковедение. — Народы Азии и Африки. 1990, № 5, с. 97.
- ⁸⁶ Подвиги младенца Кришны (мистерия в пяти действиях Бхасы). ПФ АРАН, ф. 142, оп. 2, д. 72.
- ⁸⁷ Петербургский филиал ИВ РАН. Архив востоковедов, ф. 53, оп. 1, д. 44.
- ⁸⁸ См.: ПФ АРАН, ф. 849, оп. 5, д. 465—469.
- ⁸⁹ Алиева Н.Ф. Л.А.Мерварт (1888—1965) — зачинатель индонезийской филологии в СССР. — Слово об учителях. Московские востоковеды 30—60-х годов. М., 1988, с. 139—146; Парникель Б.В. Предисловие. — Сказание о Санг Боме. Пер. с малайск. Л.А.Мерварт. М., 1973, с. 3.
- ⁹⁰ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 26 об.
- ⁹¹ Там же, л. 48. Ср.: Мерварт А.М. Достижения и проблемы индийской этнографии, с. 134.